

История и теория политики

УДК-323

DOI: 10.17072/2218-1067-2021-4-5-15

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА И ПОЛИТИКА ЯЗЫКА: К ВОПРОСУ О «ДЕЙСТВУЮЩИХ ЛИЦАХ»

Н. М. Мухарямов

Мухарямов Наиль Мидхатович, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии, политологии и права,

Казанский государственный энергетический университет.

E-mail: n.mukharyamov@yandex.ru (ORCID: 0000-0002-3810-824X).

Аннотация

Рассматриваются перспективы концептуальной систематизации форм и способов индивидуального участия в отношениях по поводу языка и политики. Комплекс отношений этого типа предлагается анализировать дифференцированно, используя два пересекающихся, но не совпадающих семантических круга, образуемых вокруг категорий «языковая политика», с одной стороны», и «политика языка» – с другой. В первом случае подразумевается курс целенаправленного властно-управленческого воздействия на культурно-коммуникативное устройство, на коммуникативные системы различного уровня, в том числе – на этноязыковое многообразие, на позиции миноритарных языков. Во втором – речь идет об аналитических подходах, дополняющих традиционную («классическую») картину языковой политики. Политика языка может пониматься как определенная субструктурная сторона социального пространства или одного из его полей. Здесь присутствует весь спектр разнородных взаимодействий – политико-языковых отношений, в которые вовлечены «действующие лица» не только на институциональном, но и на групповом и индивидуальном уровнях. Такого рода вовлеченность может приобретать как преднамеренный, осознанный характер, так и не мотивированный специальным образом, спонтанный вид, связанный не столько с целедостижением, сколько с сопутствующими эффектами и последствиями. Отсюда вытекает некоторая нюансировка, связанная со спецификой контекстов, – категории «субъекты» и «акторы» могут пониматься как атрибуты собственной языковой политики, тогда как «агенты» – политики языка. Одни демонстрируют политические интенции в области языковых ситуаций в целом (на мезо- и макро- контурах), другие же могут функционировать на уровне частных притязаний, например, в отстаивании языковых прав и в практике на микроуровне.

Ключевые слова: языковая политика; политика языка; политико-языковые отношения; участники; субъекты; акторы; агенты.

Академическое и экспертное освоение областей, тем или иным образом связанных с языком и политикой, демонстрирует заметную трансформацию в постановке самого предмета внимания, в определении границ и конфигурации соответствующей дисциплины научного знания.

Расширение исследовательской повестки по поводу взаимодействия языка и политики по своему реструктурирует некоторые познавательные приоритеты. Обобщающая историко-научная реконструкция в этой области еще, вероятно, находится в ожидании специального изучения. Однако уже вполне отчетливо прослеживаются некоторые линии, среди которых общепризнанное место принадлежит отходу от монопольного видения роли государств в управлении языковым устройством общества в пользу более полицентричной картины происходящего и диверсификации форм политико-языкового участия (Blommaert, 2007; Blommaert et al., 2009; Glasgow, Bouchard, 2019; Zhao, Baldauf, 2012). Все чаще в кросс-дисциплинарных перспективах к проблематике «действующих лиц» на аренах языкового регулирования обращаются и российские исследователи. Одно из самых заметных мест здесь принадлежит работам Н. В. Борисовой, в том числе – тем, которые специализированно

связаны с темой соотношения акторно-структурных аспектов и агентивности (См., например: Борисова, 2019).

Методология и методы исследования

Отправные моменты теоретико-методологического порядка в предлагаемом изложении связаны с ориентацией на конвергентные структуры общественности. Это открывает возможности соединения принципов и инструментов анализа лингвистических и экстралингвистических аспектов во взаимодействии языка и политики, которые обладают различной отраслевой принадлежностью.

Исследование субъектности в языковой политике в программной публикации Э. В. Хилхановой, включая типологическую характеристику акторов, предложено проводить на сконструированном по-новому методологическом основании. Это – теория и практика дискурсивного «поворота к людям» и методология дискурсивной социолингвистики, включая политические контексты, установки и мотивации индивидов и групп (Хилханова, 2020: 758, 763–764). Такую позицию можно без преувеличения расценивать как крупный шаг в направлении формирования политической лингвистики как самостоятельной суб- и междисциплинарной области знания.

Вместе с тем дискурсивным сторонам участия в языковом регулировании могут быть предпосланы некоторые важные характеристики в связи с тем местом, которое занимают «действующие лица». Эпистемологически это может фиксироваться в *топологической* парадигме «социального пространства» Пьера Бурдьё: «Агенты и группы агентов определяются, таким образом, по их *относительным позициям* в этом пространстве», а отношения сил в соответствующем поле «несводимы к намерениям индивидуальных агентов или же к их непосредственным *взаимодействиям*» (Бурдьё, 2005: 15). В свете этих идейных ориентиров языковая политика предстает как нечто, тяготеющее к субстантивному образу, а политика языка – к реляционному. Именно такое видение, взаимно соотносящее позиции всех участников политико-языковых отношений, позволяет говорить о политике языка как особом (суб)поле. Эта часть пространства включает, разумеется, и дискурсивные измерения как одну из важнейших сторон своего функционирования.

В последующем изложении используются подходы, основанные на принципах концептуального моделирования и построения обобщающих схем.

Язык и политика: способы категоризации участия

Современное состояние зарубежных и отечественных разработок по языковому планированию и языковой политике характеризуется приоритетностью задач концептуальной систематизации многообразных форм человеческого участия в тех или иных контекстах. Одно из центральных мест здесь принадлежит, как уже было отмечено, теме агентивности, при освещении которой можно выделить две принципиально различающиеся перспективы.

Первая (по-видимому, наиболее широко представленная) из них – это дедуктивный подход к классификации, когда те или иные номенклатуры «игроков» выстраиваются по произвольно отобранным признакам и выглядят как перечисление элементов. Характерным признаком в этом случае выглядит то, что понятия «участник», «субъект», «актор», «агент» используются не в терминологизированном варианте, практически как синонимы.

Вторая связана с предлагаемыми мерами типологии и категоризации присутствующих здесь «персонажей». Соответственно различные способы и роли последних становятся предметом дифференцированного видения.

Если говорить о наиболее показательных иллюстрациях того и другого, то можно привести некоторые примеры, относящиеся к *первому* из названных направлений.

Иногда (часто – в лапидарной форме) акцент делается на личностно-статусном измерении и индивидуальном уровне участия. Как писал еще несколько десятилетий тому назад лингвист Б. Вайнштейн, «писатели, переводчики, миссионеры, издатели, составители словарей формируют язык для использования в политических и экономических целях, и их эффективность может быть больше той, что характерна для правительства» (Weinstein, 1983: 62). В лаконичном виде идею о наиболее влиятельных фигурах в рассматриваемой сфере высказала во время одной из недавних дискуссий Э.В. Халханова, ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН: «У нас языковую политику делают директора школ вкупе с родителями» (Хилханова, Каплунова, 2020: 128).

Существуют, разумеется, и более аналитически развернутые варианты. Так, французский специалист в области социолингвистики Л.-Ж. Руссо в рамках своей теоретической схемы пишет: «Социальные акторы, воздействующие на языковую политику, многочисленны, причем среди них организации лингвистического направления не всегда обладают теми ролями и влиятельностью, каковые им приписываются» (Руссо, 2007: 109).

В разряд «официальных акторов», не относящихся к профессиональным лингвистическим структурам, но функционирующим в области языковой политики, согласно Л.-Ж. Руссо, входят:

- научные круги;
- поставщики товаров и услуг;
- поставщики информации;
- ассоциации потребителей;
- правительство, администрация и государственные службы;
- мир образования и профессионального обучения;
- профсоюзные организации;
- политические организации;
- международные организации;
- система производства:
  - предприятия и объединения хозяев;
  - клиенты и поставщики;
  - научно-исследовательские организации;
- конкуренты;
- рабочие профсоюзы;
- организации по технической стандартизации;
- производители рекламной продукции;
- широкая публика (общественное мнение);
- мир ассоциаций;
- лоббисты;
- судебная система;
- издатели;
- СМИ.

«...Совокупность всех вышеперечисленных акторов состоит из «авторизованных» представителей, которые оказывают влияние на рынок – рынок, отныне безграничный – своим отношением, своим глоттополитическим дискурсом и метадискурсом. ...Вполне очевидно, что все, кто намеревается повлиять на речевое поведение носителей языка, должны принимать в расчет действия и взаимодействия всех этих акторов, ...без участия которых не будет иметь успеха никакая языковая политика» (Руссо, 2007: 109–110).

В логике, лежащей в основе анализа, проводимого Л.-Ж. Руссо, обнаруживаются некоторые моменты неполноты или рассогласованности. Здесь, например, не учтены уровни политико-административного управления (национальный, региональный и местный), а также сам принцип разделения властей. Очевидно, также сказывается то, что в рамках институциональных исследований языковая политика рассматривается как «государственная традиция». Спецификой такой традиции в случае с Францией является своеобразное нарочитое пренебрежение проблематикой культурно-языковых меньшинств ради акцентирования общенациональной гражданской идентичности. Этим, скорее всего, объясняется отсутствие в приведенном перечне любых форм участия (каких-либо акторов), связанных с отстаиванием миноритарных этнокультурных идентичностей, интересов и притязаний. Наконец, в общем концептуальном плане могут быть оспариваемы также и некоторые тезисы автора. К примеру, далеко не все из названных акторов (в частности, товаропроизводители и потребители, рекламодатели, профсоюзы и многие другие весьма широко номинированные категории) обладают приписываемыми характеристиками – «авторизованность», участие в «глоттополитическом» дискурсе и «метадискурсе» как таковых. Очевидно также, что далеко не все из них играют активную (продуцирующую) роль по отношению к функционирующим здесь смысловым комплексам, организующим и артикулирующим политико-языковые материи.

Второе из рассматриваемых течений базируется на установках иного гносеологического плана – отказ от дескриптивных способов в пользу концептуально-типологического моделирования и использования приемов абстрактной категоризации.

В развернутом виде агентивность подвернута такому аналитическому моделированию в монографии Б. Сполского «Языковой менеджмент». Ядром разворачиваемой логики выступает момент индивидуального языкового выбора со стороны говорящих, выбора происходящего под воздействием определенных правил, признанных речевым сообществом, с одной стороны, и в качестве продукта языкового менеджмента – с другой. Другим исходным концептом в рамках подходов, реализуемых этим автором, становится сфера или область (“domain”) языкового функционирования, социальные пространства – такие, как домохозяйства или семьи, школы, соседские общины, религиозные институты, рабочие места, публичные медиа, а также уровень публичного политического управления (город, штат, нация). Каждая из названных единиц имеет, по словам Б. Сполского, «свою языковую политику», когда одни стороны управляются внутренне, а другие – под воздействием внешних по отношению к данной области сил» (Spolsky, 2009: 3). Каждая из таких областей имеет своих участников, локацию и тематический предмет обсуждения. Способ участия, как показывает автор, не сводится к индивидуальности только лишь, но, скорее, к «социальным ролям и отношениям». В семье это – категории родства. В школе – типичные роли учителей, учеников или студентов, директора. На рабочих местах – роли босса, наемного работника, нанимателя, клиента, потребителя и т.п. Наконец, на каждом уровне и в каждой сфере языковая политика включает в себя такие компоненты, как практики (экология), представления (идеология) и менеджмент (планирование).

Значение концепции Б. Сполского для рассматриваемой области исследования состоит в том, что этим автором предложена типология форм участия различных «действующих лиц» (или – агентов) в рамках определенной теоретически упорядоченной модели:

- функции языкового менеджмента в условиях сложной социально-политической организации распределены между двумя видами носителей политической деятельности (policy-makers): 1) теми, кто пишет конституции и законы, дает толкование языковому законодательству, регулирующие и выделяющие бюджеты министерства, и 2) теми, кто занят имплементацией политики, правительственными агентствами, претворяющей в жизнь и оценивающей политику бюрократией;

- агентами, вовлеченными в отправление функций языковой политики по ее компонентам (в планирование статуса, в языковое культивирование, в языковое обучение), а также, с другой стороны, агентами «без специальных языковых функций» и «специальными» языковыми агентами.

К субъектам, практикующим меры языкового менеджмента без специализированных полномочий или мандатов этот автор относит «действующих лиц», вовлеченных в сферу языковой политики *de facto*. Хотя, как можно заметить, Б. Сполский идет по пути рассмотрения произвольно выбранных примеров – суды, муниципальные инстанции, службы в сфере иммиграции и предоставления гражданства, министерства и департаменты культуры и образования. Специализированные агентства – особые «офисы» – это, к примеру, языковые комиссии и центры (в том числе – неправительственные), выполняющие функции языкового культивирования национальные академии, комиссии по терминологии, службы переводов, редакторы, образовательное сообщество (Spolsky, 2009, 226–234).

Научно значимая попытка типологического анализа способов участия в политике языка, получившая известность в англоязычном академическом пространстве, была предпринята С. Чжао и Р. Балдауфом. Эти специалисты предложили оригинальный подход к разработке аналитической схемы, отображающей такое участие на уровне индивидуальной агентивности.

Отталкиваясь от известных в литературе по социолингвистике и, конкретнее, – по языковой политике дихотомий, эти авторы предлагают свой вариант категоризации. Отмеченные дихотомии – это не только разграничения макро- и микроуровня политики языка, но и статусные, функциональные позиции, связанные с ролями участников – продуцированием, с одной стороны, и рецепцией – с другой. Участники-реципиенты представляют собой тех, для кого осуществляется языковое планирование – преподающие языковые предметы учителя, переводчики, работники на уровне общин, адвокаты, издатели, составители словарей, работники секторов обслуживания (гиды и журналисты) и, наконец, «невидимые планировщики», к примеру, родители (Zhao, Baldauf, 2012: 5). Понятно, что такие ряды дедуктивных классификаций могут быть продолжены в самых неопределенных перспективах. Аналитический прием, рассматриваемый в данном случае, содержит также и категоризацию на типологическом уровне, на основе критериев ресурсов и компетенций, которыми обладают те или иные «действующие лица»: «люди с экспертизой» – лингвисты и прикладные лингвисты, принадлежащие к высоким стратам интеллектуальной элиты, а также обладающие некоторыми знаниями о языках любители-энтузиасты, инициаторы введения новых систем письма и норм правописания.

1. «Люди с влиянием» – традиционно это социальные элиты, включая тех, кто имеет общественный вес, благодаря своим знаниям, квалификации и вкладу в общественные дела, высоким

моральным стандартам или общественно значимым карьерным достижениям; сюда относят (но этим не ограничиваются) ученые, исследователи, выдающиеся писатели, священнослужители, бизнес-лидеры, звезды развлекательных индустрий, защитники гражданских прав и группы лоббистов; роль названных деятелей состоит в том, что они влияют на массовое языковое поведение.

2. «Люди с властью» – национальные лидеры и высокопоставленные официальные лица, включая вовлеченных в разработку и осуществление языкового планирования и языковой политики в рамках государственных агентств; их влияние вытекает из соответствующих формальных правовых полномочий в большей степени, чем высокий статус и социальный престиж ранее названных групп; к ним, в то же время, приковано основное внимание аналитиков, включенных в дискуссии по языковому планированию и языковой политике в академической литературе (Ibid: 6).

Приведенная классификация, далее, дополняется стадийными аспектами участия в политике языка на индивидуальном уровне, в отличие от целевого планирования на структурном макроуровне. Соответствующая картина складывается из следующих пошаговых ступеней:

- *инициирование* – потребность в котором возникает на основе неудовлетворенности имеющейся языковой ситуацией и осознанием потребностей в области программ по языковому планированию (признание существующих проблем и понимание со стороны политиков того, что эти проблемы существуют и могут быть разрешены в контексте политических интересов);

- *вовлечение* – прямое или косвенное, открытое или скрытое, пассивное или активное (на этой стадии роль первой из ранее названных групп, так как деятельность по планированию корпуса требует технической экспертизы, кроме того желательно также позитивное участие третьей группы);

- *влияние* – стадия, на которой по-особому актуализируется функция планирования престижности языков, в рамках которого индивиды могут воздействовать на достижение целей и без сознательного участия в языке политики (тогда как вовлечение носит осознанный характер);

- *вмешательство* – стадия, на которой фактор индивидуальности может сказываться на имплементации как в позитивном, так и в негативном ключе, что исторически предполагало решающую роль третьей группы;

- *имплементация и оценка* – степень, на которой решения воплощаются в действия, вследствие чего лидирующая роль третьей группы одновременно означает также и наиболее «слабое звено», тогда как роль второй группы заключается главным образом в выполнении функций продвижения (Ibid: 8–9).

В новейших публикациях отечественных специалистов по социолингвистике всё явственнее просматривается тенденция возрастающего интереса к политико-социологическим материям, которые играют существенную роль в практике регулирования культурно-языковым многообразием. По своему поворотное значение, как можно предполагать, будет принадлежать разработкам Э. В. Хилхановой на предмет субъектности (прежде всего – агентивности) в языковой политике. Этот автор предлагает свою версию концептуальной систематизации акторов:

- 1) акторы государственно-законодательного уровня;
- 2) (институциональные) имплементаторы ЯП в официальных структурах разных уровней – федерального, регионального и муниципального, *не обладающие agency*;
- 3) (внеинституциональные) акторы – языковые активисты, члены этнических сообществ, учителя, университетские преподаватели и т. д., *обладающие agency* (Хилханова, 2020: 770).

Сам факт обращения представителей сообщества российских исследователей, специализирующихся в прикладной лингвистике, к аналитическому инструментарию политико-социологической предметной принадлежности можно расценивать как очень важный шаг в сторону междисциплинарного синтеза. Эта инициатива, вне какого-либо сомнения, имеет назревший и остро актуальный смысл для российской исследовательской практики. Однако некоторые из предложенных трактовок, по-видимому, остаются открытыми для возможных комментариев или альтернативных решений. Если, например, статус “agency” выделяется по критерию наличия или отсутствия «свободы воли и свободы действий», тогда возникает необходимость в одном принципиальном пояснении. А именно – почему «имплементаторы» из «официальных структур», образующих вторую из категорий, предложенную Э.В. Хилхановой, не соответствуют этому критерию?

Концептуальной упорядоченности картины «действующих лиц» на аренах взаимодействия языка и политики могут способствовать некоторые меры, о которых будет сказано далее.

Политика языка как социальное поле

Сознательное и целенаправленное властно-управленческое воздействие на языковое устройство общества, проводимый в этой области курс – далеко не единственное выражение многоплановой диффузии политических и лингвистических феноменов. Семантически в круг коннотаций термина «языковая политика» – традиционном, классическом понимании – входят способы деятельности, связанные со стратегическим целеполаганием, с решениями и мерами, принимаемыми «сверху», с полномочиями и мандатами соответствующих авторитетных инстанций, с законодательными или исполнительными, надзорными властными структурами и проч.

Более широкая концептуальная конструкция – это «политика языка» (“politics of language”).

Одна из немногих попыток концептуальной рефлексии по поводу логического соотношения категорий «языковая политика» (“language policy”) и «политика языка» (“politics of language”) содержится в работе авторитетных европейских лингвистов Р. Филлипсона и Т. Скутнабб-Кангас. Эти исследователи обращают внимание на то, что очевидных решений на предмет установления специфического содержания этих двух англоязычных лексических средств, не существует. Это ведет к «размыванию» различий между названными концептами. Как отмечают авторы, те, кто используют английский в качестве второго языка, могут вкладывать в понятие «политика языка» то содержание, которое предназначается для «языковой политики». Тогда как первое указывает на «политическую борьбу, при которой языковая идентичность и языковые права могут становиться спорными или поляризующими факторами». Второй вариант словоупотребления определяется как «все меры – эксплицитно или имплицитно, – оказывающие воздействие на экологию языка в данном контексте, включая права говорящего на том или ином языке, а также использования данного языка для определенных функций». Политика языка, таким образом, относится к области политического и присутствующим здесь дискурсам, к тому, что говорят и как действуют политики, к продвижению или подавлению языка, к борьбе за право на данный язык и за его признание» (Phillipson, Skutnabb-Kangas, 2009: 30–31).

Политика языка – это, с одной стороны, повседневные практики, связанные с поддержанием порядка или режима взаимодействия языковых и политических факторов (как политики в языке, так и языка в политике).

С другой стороны, политика языка не проходит по разряду «публичной политики», будучи ориентированной не только на сохранение баланса общественных интересов, но и на конкурентное использование языковых ресурсов борьбы за власть и влияние.

Эти смысловые грани политико-языковой реальности связаны с притязаниями на специфические позиции отдельных групп (мажоритарных или миноритарных), отражают различия в интересах. Возникающие в этой области отношения содержат моменты оспаривания ресурсов власти и легитимности, значимые и с политической, и с языковой точек зрения. Язык при этом рассматривается не столько как общее благо, сколько как повод для мобилизации (коммуникативно и символически) сторонников конкурирующих сил.

Исследователи, под редакцией которых вышла в свет монография «Государственные традиции и языковые режимы» по издательской программе Королевского университета МакГилл в Канаде), С. Зонтаг и Л. Кардинал отмечают, что «политическая наука не стоит на переднем крае изучения и дебатов по поводу языковой политики», и «несмотря на нормативный поворот, который претерпевает политическая философия, и ее интерес к вопросам многообразия, выбор в области языковой политики остаётся недостаточно исследованным со стороны ученых в области политической науки (Sonntag, Cardinal, 2015: 9). Авторы формулируют свое видение академической исследовательской повестки, которая отличается от интересов тех, кто специализируется в области политической теории с их фокусом на нормативных аспектах. В отличие от этого, они предлагают сосредоточиться на таких разделах (субдисциплинах) науки, как сравнительная политика, политическая социология и публичная политика. Весьма показательно, что они заявляют о своих намерениях при помощи формулы – “politics of language policy” (Ibid). В данном случае – перед нами любопытная подробность, связанная со своеобразными академическими лингвокультурами. Буквальный перевод этой формулы на русский язык будет неизбежно выглядеть тавтологичным – «политика языковой политики». В итоге некоторой деконструкции можно получить следующую интерпретацию – область политических отношений и взаимодействий по поводу проводимого курса регулирования языковых отношений.

В случае с политикой языка речь идет прежде всего о соответствующем поле, или точнее – (суб)поле – как о части социального пространства.

В зарубежных публикациях по рассматриваемой теме традицией, если не общим местом, становится апелляция к авторитету Пьера Бурдьё и к его топологической перспективе социального теоретизирования. Политика в свете его идей представляет собой разновидность «социального поля». Такие поля представляют собой части социальных пространств, понимаемых не субстантивно, но реляционно – то есть через отношения, образуемые из множества практик отдельных «действующих лиц» или агентов. Эти агенты обладают теми или иными «позициями» в политическом пространстве. «Позиции», в свою очередь, определяются соответствующими видами ресурсов или «капиталов», включая «лингвистический капитал» (Бурдьё, 2005).

В связи с этим становится понятной целесообразность говорить не только о языковой политике в субстантивном смысле, как об определенном курсе властей применительно к языковому разнообразию социума, к языковым ситуациям или к социально-коммуникативным системам. Возможно также рассматривать политико-языковые отношения, в которые вовлечены и самые разные предметы (поводы), и столь же многообразные участники. Эти последние могут занимать весьма различающиеся позиции, обладать теми или иными статусами, иначе говоря, доминировать или пребывать в отчужденном состоянии. Помимо агентов в этих социальных полях присутствуют также институты. «Вся история социального поля, – пишет П. Бурдьё, – постоянно представлена в двух формах: в материализованной – в институтах (освобожденные работники партий и профсоюзов) и в инкорпорированной – в диспозициях агентов...» (Бурдьё, 2005: 39).

Из сказанного следует, что термины «субъекты», «акторы» и «агенты» относятся к различающимся проекциям языковых и политических начал в их взаимодействии.

Это своего рода квинтэссенция в построении концептуальной модели участия в политике языка. Кого можно расценивать как участника в собственном смысле слова, кого – в статусе актора, а кого – в роли субъекта?

Понятие «социальный агент» отражает связь между поведением того или иного «действующего лица» и средой. Как пишет П.А. Цыганков, «оно служит для выражения действия, являющегося промежуточным между субъектом и средой. Агент – это выразитель, проводник (вольный или невольный) тех или иных норм и ценностей определенной социальной системы, логика которой определяет логику его поведения в той или иной ситуации. Иначе говоря, в понятии «социальный агент» отражается социальный и культурный контроль системы над индивидами и/или социальными общностями, та роль, которую они стремятся (сознательно или бессознательно) играть в соответствии с ожиданиями окружающих, основанными на социальном статусе агента» (Цыганков, 2002: 228). Следовательно, роль такого «действующего лица» как агент, предполагает наиболее широкое понимание, что предполагает и наличие, и отсутствие *осознанного волевого начала* или, другими словами, момент преднамеренного и непреднамеренного, активного или пассивного вариантов вовлеченности в социальные отношения.

Наиболее широко понимаемый круг участников этих отношений может, далее, конкретизироваться в зависимости от названного осознанно-волевого критерия в более узких категориях – «акторы» и «субъекты».

«Социальный актор», если исходить из разъяснений П.А. Цыганкова, это – тот, кто способен своими действиями внести те или иные изменения в окружающую среду. Актор – любое лицо, которое принимает активное участие, играет важную роль, оказывает влияние, обладает определенной автономией (Цыганков, 2002: 229–231).

В исторической социологии понятий есть также существенные семантические нюансы. Понятие «актор», рассмотренное в историко-этимологической и институциональной перспективах, трактуется в «Словаре индоевропейских социальных терминов» Э. Беневиста. Исходно подразумевалось, что это – «имя деятеля», того, кто может «приумножать, увеличивать». «В качестве *auctor* во всех сферах деятельности называется тот, кто «проводит в жизнь», берет на себя инициативу, первым проявляет какую-то активность, тот, кто организует, обеспечивает, и в последнюю очередь – «автор». Понятие *auctor* принимает различные конкретные смыслы, но оно связано с исконным значением «производить, приумножать». Таким путем абстрактное имя *auctoritas* обретает всю полноту своего содержания: это акт творения, или качество, предустановленное верховным магистратом, или достоверность какого-то свидетельства, или действенность какой-либо инициативы и т. п., но всякий раз во взаимодействии с семантическими функциями слова *auctor*» (Беневист, 1995: 329–330). В этом разъяснении имплицитно содержится некоторое различие, вытекающее из уровней авторитетности, когда деятельность актора предполагает его статусные характеристики, «предустановленные» со стороны некой верховной инстанции.

Агентивная роль, присущая более высокому уровню авторитетности, которая правомочна «предустанавливать» (по терминологии Э. Беневиста) качества всех остальных участников политических отношений, это – роль субъекта в строгом смысле слова. В широком значении в качестве субъектов политики могут выступать самые разные «персонажи» – правящие и неправящие («вне суверенитета»), государственные и негосударственные игроки различного уровня (общенационального, регионального и местного), партии, медийное сообщество, бизнес-структуры, заинтересованные группы, научные и экспертные круги и т. п. В качестве примера терминологического подхода к участию в практике языкового планирования и политики можно привести случаи использования понятия «стейкхолдеры», позаимствованного из словаря проектного или корпоративного менеджмента, ставшего столь распространенным в информационном поле, включая те области, которые по своей природе не имеют прямого касательства к предпринимательству или бизнес-отношениям. В частности, такими «стейкхолдерами» применительно к проблематике языков коренных народов в некоторых международных актах называют такие категории – «государства-члены ООН или ЮНЕСКО, национальные правительства, сами коренные народы, саму ООН и другие межправительственные организации, научные и языковые сообщества, библиотеки, архивы, организации в информационной сфере и в области сохранения культурной памяти, бизнес и публичные институты, молодежные и женские организации коренных народов, также как и других публичных и частных партнеров» (Strategic Outcome Document, 2019).

Этот же терминологический приём пользуется в другом документе ЮНЕСКО – в Итоговом документе, принятом на Встрече высокого уровня, посвященной планам на Международное десятилетие действий в области языков коренных народов и по случаю завершения Международного года языков коренных народов в 2019 г. (Мехико, Мексика, 27-28 февраля 2020 г.) (Los Pinos Declaration, 2020). В этом содержится специальный подраздел о соответствующих заинтересованных сторонах ('relevant stakeholders') и их взаимодействии на коллективном уровне. Речь в данном случае ведется как о механизмах и ресурсах, так и о «действующих лицах» – государствах-членах ООН, экспертах, национальных комиссиях по правам человека, связанных с ними органах, детях, женщинах и мужчинах, молодых девушках, инвалидах и других обездоленных группах.

В менеджерских дискурсах категория 'stakeholders' (этимологически – держатели долей) трактуется либо узко – как акционеры и учредители, либо широко – как любые лица, влияющие на соответствующие практики или испытывающие влияние в тех или иных контекстах. При этом имеются в виду любые физические или юридические лица, представляющие все заинтересованные стороны, способные повлиять или претендующие на влияние по отношению к бизнес-деятельности. Используются, далее, относительно самостоятельные переменные, отражающие, во-первых, влияние и, во-вторых, заинтересованность. Из этого следует своего рода аналитическая матрица:

- участники, положительно настроенные и обладающие как влиятельностью, так и заинтересованностью;
- участники, заинтересованные, но не обладающие возможностью воздействовать;
- группы заинтересованных в отрицательном результате, но не располагающих ресурсом решающего воздействия на ту или иную область практики;
- участники, выступающие в роли влиятельных противников.

По-видимому, данная логика может получить успешное применение для рассмотрения широкого круга участников политико-языковых отношений или действующих в поле политики языка лиц (участников, акторов, субъектов).

Следовательно, приемы дедуктивного определения состава участников в сфере политики языка обладают ограниченной применимостью. Перечень всех вовлеченных «действующих лиц» на основе формально взятого признака, отражающего все возможные проявления сопричастности, дает лишь картину безграничного многообразия. Однако основанием для типологического анализа это – само по себе – служить, вероятно, не может.

Из сказанного следует, что роли «действующих лиц» в поле политико-языковых отношений можно распределить по двум обобщенным категориям:

- участники, чья практика связана с отправлением функций регулирования, с применением формально закрепленных полномочий – *de jure* очерченных в нормативных актах, с разработкой и применением регламентов, с официальными режимами функционирования;
- участники, чья активность носит опосредованный и непостоянный характер, осуществляется в виде чего-то факультативного (не вмененного в обязанности), на собственное усмотрение и т.п.

Предпринятое рассмотрение можно – в предварительном, разумеется, и открытом для критики плане – заключить в следующем схематическом виде:

**Сравнительное соотнесение понятий
«языковая политика» и «политика языка»**

Критерий	Языковая политика	Политика языка
Онтология	Курс властных и управленческих действий	Поле как часть пространства отношений
Состав «действующих лиц»	Актеры, субъекты	Агенты
Основания деятельности	Полномочия, мандаты	Интересы
Статусы	Формальные	Неформальные
Процессы	Решения, практические меры	Взаимодействия, обмена
Вовлеченность	Сознательность, Преднамеренность, Целенаправленность	Неосознанность, Непреднамеренность, Частное целеполагание
Оформление	Институты	Институции
Режимы функционирования	Дискретность решений и шагов	Непрерывность, Повседневный выбор
Мотивы	Легитимация	Потребности в общении и в идентичности
Порядок	Системы, Структуры	Положение, Диспозиции, Статусы, Роли
Правомочия	Власть, Компетенции	Признание, Влияние
Предписания	Императивные и диспозитивные нормы права	Рекомендации, Стимулы, Притязания
Положение участников	Включенность в процесс принятия решений, Функции определения и проведения политического курса	Принадлежность к полю политико-языковых отношений, Вовлеченность

Финансовая поддержка

Исследование выполнено по Программе фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020 – 2022 гг.

Список литературы / References

Бенвенист, Э. (1995) *Словарь индоевропейских социальных терминов*. Москва: Прогресс-Универс [Benveniste, E. (1995) *Dictionary of Indo-European social terms* [‘Slovar’ indoevropskikh social’nyh terminov’]. Moscow: Progress-Univers (In Russ.)].

Борисова, Н. В. (2019) ‘Агентские факторы языковой политики в современной России’ в: *Траектории политического развития России: институты, проекты, акторы*. Материалы Всероссийской

научной конференции РАПН с международным участием. Москва: Московский педагогический государственный университет, с. 76 [Borisova, N. V. (2019) ‘Agency factors of language policy in modern Russia’ in: *Trajectories of Russia’s political development: institutions, projects, actors*. Materials of the All-Russian Scientific Conference of the RAPN with International Participation [Agentskie faktory yazykovoj politiki v sovremennoj Rossii v: *Traektorii politich-*

- eskogo razvitiya Rossii: instituty, proekty, akty. Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii RAPN s mezhdunarodnym uchastiem*. Moscow: Moscow State Pedagogical University, p. 76. (In Russ.).
- Бурдые, П. (2005) *Социология социального пространства*. Москва: Институт экспериментальной социологии; Санкт-Петербург: Алетейа [Bourdieu, P. (2005) *Sociology of social space*. [Sociologiya social'nogo prostranstva]. Moscow: Institute of Experimental Sociology; SPb.: Aleteya. (In Russ.)].
- Качанов, Ю. (1995) *Политическая топология: структурирование политической действительности*. Москва: Ad Marginem [Kachanov, Yu. (1995) *Political topology: structuring of political reality* [Politicheskaya topologiya: strukturirovanie politicheskoy dejstvitel'nosti]. Moscow: Ad Marginem. (In Russ.)].
- Руссо, Л.-Ж. (2007) 'Разработка и проведение в жизнь языковой политики', *Языковая политика в современном мире* / по материалам Третьего и Четвертого международного семинаров по государственной языковой политике и актуальным проблемам двуязычия (Париж, 2005; Санкт-Петербург, 2005–2006). Санкт-Петербург: Златоуст, сс. 97–121. [Rousseau, L.-J. (2007) 'Development and implementation of language policy' in: *Language policy in the modern world* [Razrabotka i provedenie v zhizn' yazykovoj politiki]. Based on the materials of the Third and Fourth International Seminars on State Language Policy and Actual Problems of Bilingualism (Paris, 2005; St. Petersburg, 2005–2006). SPb.: Zlatoust, pp. 97–121. (In Russ.)].
- Хилханова, Э. В. (2020) 'Люди в языковой политике: теория и практика дискурсивного поворота в социолингвистике (на примере России и Западной Европы)', *Acta Linguistica Petropolitana*, Vol. 16.3, pp. 756–815 [Khilkhanova, E. V. (2020) 'People in language policy: Theory and practice in the discursive turn in sociolinguistics (comparing Russia and Western Europe)' [Lyudi v yazykovoj politike: teoriya i praktika diskursivnogo povorota v sociolingvistike (na primere Rossii i Zapadnoj Evropy)], *Acta Linguistica Petropolitana*, Vol. 16.3, pp. 756–815. (In Russ.)].
- Хилханова, Э. В., Каплунова, М. Я. (2020) 'Первое заседание дискуссионно-аналитического клуба по языковой политике', *Социолингвистика*, 1, сс. 124–132. Москва: Институт языкознания РАН, 17 марта [Электронный ресурс]. DOI 10.37892/2713-2951-2020-1-1-124-132. [Khilkhanova, E. V., Kaplunova, M.Y a. (2020) 'The first meeting of the Analytical Discussion Club on Language Policy' [Pervoe zasedanie diskussionno-analiticheskogo kluba po yazykovoj politike], *Sociolinguistics*, 1, pp. 124–132. Moscow: Institute of Linguistics, RAS, 17 March. (In Russ.)].
- Цыганков, П. А. (2002) *Теория международных отношений*. Москва: Гардарика [Tsygankov, P. A. (2002) *The theory of international relations* [Teoriya mezhdunarodnyh otnoshenij]. Moscow: Gardarika. (In Russ.)].
- Blommaert, J. (2007) 'Sociolinguistics and Discourse Analysis: Order of Indexicality and Polycentricity', *Journal of Multicultural Discourses*, Vol. 2, No 2, pp. 115–130.
- Blommaert, J., Kelly-Holmes, H., Lane P., Leppänen, S., Moriarty, M., Pietikänen, S., Piirani-Marsh, A. (2009) 'Media, multilingualism and language policing: an introduction', *Language Policy*, 8, pp. 203–207.
- Cooper, R. (1989) *Language planning and social change*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Glasgow, P. G., Bouchard, J. (2019) 'Introduction' in: *Agency in Language Policy and Planning. Critical Inquiries*. N.Y., L., Routledge.
- Kaplan, R., Baldauf, R. (1997) *Language Planning. From Practice to Theory*. Clevedon: MULTILINGUAL MATTERS LTD.
- Phillipson, R., Skutnabb-Kangas, T. (2009) 'The Politics and Policies of Language and Language Teaching' in: *The Handbook of Language Teaching* / Ed. by Michael H. Long and Catherine J. Doughty. Oxford: Wiley-Blackwell.
- Los Pinos Declaration* [Chapoltepek] (2020) Outcome document of the High-level event 'Making a Decade of Action for Indigenous Languages' on the occasion of the closing of the 2019 International Year of Indigenous Languages, 27–28 February, Mexico City, Mexico.
- Sonntag, S. K., Cardinal, L. (2015) 'Introduction: State Traditions and Language Regimes:

- Conceptualizing Language Policy Choices' in: *State Traditions and Language Regimes*. Ed. by Linda Cardinal and Selma K. Sonntag. Montreal & Kingston: McGill Queen's Univ. Press, 2015.
- Spolsky, B. (2009) *Language Management*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Strategic Outcome Document of the 2019 International Year of Indigenous Languages*. 40 C/68, 15 November 2019. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000371494>.
- Tollefson, J. W. (2011) 'Language planning and language policy' in: *The Cambridge Handbook of Sociolinguistics*. Ed. by Rajend Mithrie. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Weinstein, B. (1983) *The Civic Tongue. Political Consequence of Language Choices*. N.Y., L.: Longman.
- Zhao, S., Baldauf, R. B. (2012) 'Individual agency in language planning', *Language Problems & Language Planning*, 36:1, pp. 1–24.

Статья поступила в редакцию: 25.10.2021

Статья принята к печати: 14.11.2021

LANGUAGE POLICY AND LANGUAGE POLITICS: THE QUESTION OF ACTORS

N. M. Mukharyamov

N. M. Mukharyamov, Political Sciences Dr., Professor, Head of the Department of Sociology, Political Science and Law,
Kazan State Power Engineering University.
E-mail: n.mukharyamov@yandex.ru (ORCID: 0000-0002-3810-824X).

Abstract

The article discusses the prospects for the conceptual systematization of forms and methods of individual participation in language and politics relations. This type of relations complex is proposed to be analyzed differentially using two intersecting, but not coinciding, semantic circles formed around the categories of "language policy", on the one hand, and "politics of language", on the other hand. There is a whole spectrum of heterogeneous interactions - political and linguistic relations - in which the participants are involved not only at the institutional, but also at the group and individual levels. This kind of involvement can acquire both a deliberate, conscious character and not motivated in a specific way, a spontaneous form associated not so much with goal achievement as with accompanying effects and consequences. This implies a certain nuance: the categories "subjects" and "actors" can be understood as attributes namely of language policy itself, while "agents" are bodies of the politics of the language in a proper sense of the concept. Some demonstrate political intentions in the field of linguistic situations in general (on the meso- and macro-contours), while others can function at the level of private claims, for example, in defending linguistic rights and in practice at the micro-level.

Keywords: language policy; language policy; political and language relations; participants; subjects; actors; agents.

Acknowledgements: The research was carried out under the Program of Fundamental and Applied Scientific Research "Ethno-cultural diversity of Russian society and strengthening of all-Russian identity" 2020–2022.